

Научная статья

УДК 82.091+821.581

doi: 10.17223/24099554/23/8

Творчество Юй Хуа в контексте влияния Ф.М. Достоевского на китайскую литературу

Тан Юйли

Томский государственный университет, Томск, Россия, 1029287851@qq.com

Аннотация. В статье рассмотрен творческий диалог между Ф.М. Достоевским и китайским писателем Юй Хуа. Рассмотрено общее родство миров писателей на основе их понимания человеческой природы, места страдания и насилия, а также возможности надежды, любви, спасения, светлой судьбы для человека.

Ключевые слова: русско-китайские литературные связи, Юй Хуа, Ф.М. Достоевский, смерть и насилие, проблема страдания, темное и светлое начало в человеческой природе

Для цитирования: Тан Юйли. Творчество Юй Хуа в контексте влияния Ф.М. Достоевского на китайскую литературу // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 146–157. doi: 10.17223/24099554/23/8

Original article

doi: 10.17223/24099554/23/8

Yu Hua's writing in the context of Fyodor Dostoevsky's influence on Chinese literature

Tan Yuyli

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, 1029287851@qq.com

Abstract. The article considers the creative dialogue between Fyodor M. Dostoevsky and the Chinese writer Yu Hua, who acknowledged the influence of the Russian classic. The author focuses on the affinity of the two

writers' worlds based on their understanding of human nature, the role of suffering and violence, as well as the possibility of hope, love, salvation, and a bright destiny for human. Yu Hua's writings demonstrate a significant evolution: while earlier works associated with the experimental pursuits of Chinese literature clustered around the journal *Harvest*, focus on cruelty, violence, and the dark side of human nature, in his later works, such as *Brothers*, Yu Hua shows that hope, touching love, mutual aid, and brotherhood are still possible in the world of human suffering. Though is still an exception in the dramatic picture of our world, Yu Hua believes that it is this side of reality that his creativity should serve. At all stages of this creative evolution, the Chinese writer is helped by Dostoevsky's lessons.

Keywords: Russian-Chinese literary connections, Yu Hua, Fyodor M. Dostoevsky, death and violence, problem of suffering, dark and light principles in human nature

For citation: Tan Yuyli. (2025) Yu Hua's writing in the context of Fyodor Dostoevsky's influence on Chinese literature. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 23. pp. 146–157. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/23/8

Важным фактором современной общественной и культурной жизни является рост русско-китайских литературных и научных связей. В данной статье проводится сопоставление художественного мира китайского писателя Юй Хуа и классика русской литературы Ф.М. Достоевского. Эта тема уже привлекала внимание исследователей, в частности, в коллективной монографии «Юй Хуа в глобальной перспективе» [1].

В предлагаемой статье будет рассмотрено общее родство миров писателей на основе их понимания человеческой природы, места страдания и насилия, а также возможности надежды, любви, спасения, светлой судьбы для человека.

Юй Хуа – современный китайский писатель, который приобрел широкую известность за рубежом. Его произведения переведены более чем на 40 языков, в том числе и на русский. Романами Юй Хуа присуща духовная связь с русско-советской литературой начиная с XIX в., особенно с творчеством Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова. Романное творчество Юй Хуа не только имеет духовную нацеленность, роднящую его с русской словесностью, но и реализует ее при помощи близких тематических комплексов и художественных

средств: темы страдания, жизни маленьких людей, особой роли женских образов и особенностей повествования. Можно отметить родство произведений Юй Хуа с «Войной и миром», «Анной Карениной», «Воскресением» Л.Н. Толстого, «Преступлением и наказанием», «Братьями Карамазовыми» Ф.М. Достоевского, «Мастером и Маргаритой» М.А. Булгакова, «Хамелеоном» и «Смертью чиновника» А.П. Чехова и другими произведениями русской классики.

Влияние Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского на всю последующую мировую литературу неоспоримо, при этом, как отмечал С. Цвейг: «Толстой представляет широту русской литературы, а Достоевский представляет глубину русской литературы» [2. С. 113]. Особый характер имеет воздействие этих писателей на китайскую словесность. Юй Хуа читал произведения двух русских писателей с тех пор, как соприкоснулся с литературой в начале 1980-х гг. «В начале 1980-х <...> иностранная литература приходила потоком. Начиная с самых ранних лет, я читал таких авторов, как Толстой...» [3. С. 51] (Перевод на русский язык здесь и далее наш. – *Тан Юйли*). «В 1982 году я прочитал произведение Достоевского “Преступление и наказание” и был глубоко потрясен» [4. С. 67].

Как и Достоевский, Юй Хуа родился в семье врачей, его родители были обычными медицинскими работниками уезда. Родной город писателя – Хайян в провинции Чжэцзян – не был процветающим местом. По словам Юй Хуа, «я даже не видел велосипеда». Живя в обстановке бедности и среди посетителей больницы, писатель с детских лет был свидетелем всех видов страдания, разлуки и смерти, привык видеть тяготы жизни обычных людей. Юй Хуа также получил медицинское образование, что роднит его с А.П. Чеховым и М.А. Булгаковым, и успел поработать дантистом.

Следует отметить, что интерес к Достоевскому среди китайских писателей обострился в Китае после 1980-х гг. Это объяснимо тем, что в самой Советской России в 1960–1970 гг. (к 150-летию рождения Достоевского) происходит своего рода «реабилитация» писателя после нескольких десятилетий недоверия к нему из-за его антиреволюционных взглядов в зрелый период творчества. С этого момента Достоевский входит в советскую школьную программу, становится объектом пристального научного интереса, а также начинается издание его ака-

демического полного собрания сочинений. И лишь с небольшой задержкой к наследию великого русского писателя обращается китайское общество.

К русскому писателю апеллировали Тэ Нин (р. 1957; 铁凝), Чжан Вэй (р. 1956; 张炜), Юй Хуа (р. 1960; 余华), Чжан Чэнчжи (р. 1948; 张承志), Мо Янь (р. 1955; 莫言). Тэ Нин откровенно признала, что русская литература, в том числе Достоевский, оказала сильное влияние на ее творчество [5. С. 16]. Исследуя литературный диалог между Тэ Нин и Достоевским, китайские ученые отмечают, что вслед за Достоевским она сознательно внедряет христианский дух в свои произведения, обращается к христианской теме спасения души [6]. Современный писатель Чжан Вэй назвал Достоевского вершиной мировой литературы [7. С. 70].

Цзюй Пин (鞠萍) пришла к выводу, что Чжан Вэй именно у Достоевского научился тому, как он показывает семейно-бытовую жизнь, а современные китайские прозаики Юй Хуа и Мо Янь осуществили «литературный диалог с Достоевским на более глубоком уровне», акцентировав внимание на теме человеческого страдания и одиночества [8].

Если вернуться к элементам сходства между Достоевским и Юй Хуа, в первую очередь нужно отметить похожее понимание сущности человека, внимание к иррациональной стороне души.

В творчестве Ф.М. Достоевского показывается сложность человеческой природы, «тайна человека», как это называл сам русский писатель, а также особая роль страдания в духовной конституции человека. Это одна из основных причин востребованности Достоевского в духовных поисках XX столетия, которое стало временем страшных исторических потрясений, опыта встречи с абсурдом, страданием и бесчеловечной иррациональностью реальности.

Эти черты Достоевского привлекают и Юй Хуа. Он сам восхищается «напряженностью повествования» Достоевского, которую связывает с проблемой страдания. Сам писатель применяет уроки русского писателя в связи с разными историческими трагедиями XX в., в том числе войнами. Он считает, что «интенсивность романов, рассказанных с фронта, обязательно будет выше, чем в романах, рассказанных по-другому. Большинство великих романов XX века писались о войне,

например “Тихий Дон”. Мой первый роман был о войне и таким образом я приобрел писательский опыт. Я не мог достичь нужного качества раньше. Способность, то есть интенсивность повествования, увеличилась. Это не эксперимент, сила повествования растет и взрывается в письменной форме» [9. С. 26].

Сходство представлений о «тайне человека» Достоевского и «заботы о человеческой природе» Юй Хуа заключается в их понимании противоречивости людской природы и недостаточности средств разума и здравого смысла. Достоевский раскрывал в собственных произведениях темную сторону своих героев. В «Братьях Карамазовых» нам показаны скупость, эгоизм, жадность, бесстыдство, жестокость и бессмысленная развратность героев.

Достоевскому был знаком опыт и социальной ущемленности, и природной неполноценности (из-за болезни). Поэтому ему близки и понятны страдания героев, а также знакома потребность бунта и сопротивления, реализованная в таких героях, как Раскольников или Иван Карамазов. При этом для него важна идея братства, терпимости и сострадания, которая понимается в религиозном ключе. Иначе говоря, не только темная сторона человеческого, но и светлая надежда у Достоевского имеет не рациональный, а религиозно-мистический характер.

Как написано в романе «Братья Карамазовы», «о, он отлично понимал, что для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом и горем, а главное, всегдашнюю несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения как обрести святыню или святого» [10. Т. 14. С. 29].

При этом религиозные искания русского писателя не уводили его от реальной жизни, духовность, по его замыслу, необходима именно для улучшения и исправления действительности.

Во второй половине 1980-х гг. важным моментом китайского литературного процесса оказывается журнал «Урожай», влияние которого привело к появлению группы «писателей-экспериментаторов»¹.

¹ Журнал «Урожай» был основан в 1957 г. известными китайскими литераторами Ба Цзинем и Цзинь И. За годы своего существования «Урожай» завоевал хорошую репутацию в китайском литературном мире благодаря главному редак-

Их творения отражают отчаянную патетику героизма и гуманизма, страсть к языковым играм, описывают бесцельное насилие, карнавализацию художественного пространства, неразличимость реального и воображаемого миров. В китайской литературной критике это назвали авангардом.

В этих литературных исканиях, помимо внутренних китайских историко-культурных процессов, можно видеть следы влияния Ф.М. Достоевского и до некоторой степени экспрессионизма и экзистенциализма XX в., которые тоже признавали влияние великого русского писателя.

Ранние произведения Юй Хуа отражают эти тенденции и оказываются полны насилия, жестокости и убийств в повседневной жизни, с холодным и отстраненным отношением повествователя. Китайский писатель однажды сказал: «Одной из отличительных черт моих ранних работ является то, что то, что другие считают правильным, в моих работах неправильно, а то, что другие считают неправильным, является правильным в моих работах» [12. С. 35].

Поэтому «нормальность» жизни, построенная Юй Хуа в его произведениях, не является той «нормальностью», которую признает большинство людей. Китайский прозаик однажды откровенно сказал: «Я чувствую, что все мои творения пытаются приблизиться к реальности. Эта моя реальность не является реальностью в жизни. Я чувствую, что жизнь на самом деле нереальна, и жизнь представляет собой смесь правды и лжи» [12. С. 101].

Похожая проблематичность вопроса о реальности характерна и для так называемого фантастического реализма Достоевского. На эту тему в российском литературоведении написано много работ. Отметим труды Д.Л. Соркиной [13], М.В. Джоунса [14], В.Н. Захарова [15], К.А. Степаняна [16], А.А. Казакова [17].

Закономерно в этой связи, что мы обнаруживаем у Юй Хуа использование изображений снов и галлюцинаций, которые, как у Достоевского, служат для выражения иррациональной стороны жизни героев.

тору, высокому уровню художественного стиля и тому, что он никогда не публикует рекламу «Урожай», и был признан «силуэтом китайской литературы за последние 50 лет», а также является одним из немногих крупных чисто литературных журналов в Китае [11].

Мы хорошо помним сны Раскольникова, Свидригайлова, Версилова, Дмитрия и Алёши Карамазовых. Аналоги этому мы видим в творчестве Юй Хуа, например, в романе «Братья» важный сон снится герою по имени Сун Ган после того, как он разорвал родственные отношения со своим младшим братом Балди Ли из-за давления со стороны жены Линь Хун.

Показывая насилие, преступления, разврат и другие чудовищные проявления темной стороны человеческой природы, оба писателя выражают и свои чаяния о светлом начале в человеке. Соня Мармеладова в «Преступлении и наказании», князь Мышкин в «Идиоте», Алёша в «Братьях Карамазовых», Достоевского, Сунь Гуанлинь в «Крике под дождем», Сун Фанпин в «Братьях» и Цзячжэнь в «Живых» отражают такую позитивную мечту писателей.

Появление светлой надежды в творчестве Юй Хуа связано с творческой эволюцией писателя. Если в ранних произведениях автор показал много смертей, что проявляет иррациональный аспект мира, позже он понял, что настоящий писатель ищет правду, и миссия писателя – не выпячивать, не обвинять и не разоблачать, он должен показать людям благородство! [18. С. 7].

Изменение ценностных акцентов совпало с поворотом от авангардного эксперимента к фольклору. На этом этапе в текстах Юй Хуа показана хорошая сторона человеческой природы через повседневную жизнь обычных, маленьких людей, а их возможные муки теперь описаны с состраданием. Например, Сунь Гуанлинь в «Крике под дождем» жил в одиночестве, его семья не любила и не уважала. Приемные родители подарили ему семейное тепло и заботу. Но этот период был коротким. Это не слишком большая светлая часть жизни, позволяющая Сунь Гуанлину получить своего рода духовную поддержку, чтобы спустя много лет испытать ностальгию по родному городу. Для Юй Хуа «светлая часть относится, прежде всего, к межличностной заботе, которая вырастает из кровных отношений, а затем, в более широком смысле, к теплу, которое он ищет в море людей и которое может сделать одиночество утешительным» [19. С. 31].

Роман Юй Хуа «Братья» рассказывает о судьбах разных людей в двух эпохах. Они полны драматизма и страдания, но мы видим, с какой нежностью и любовью автор относится к своим героям, и светлая

часть жизни может стать спасением для этих скромных и маленьких людей.

У Достоевского такая сторона его мира связана с вопросами веры в Бога. В центре всех идейных исканий Достоевского, как справедливо указывали многие исследователи, были его религиозные искания. «Достоевский всю жизнь оставался религиозной натурой, всю жизнь “мучился” <...> мыслью о Боге. Поэтому в лице Достоевского больше, чем в лице кого-либо другого, мы имеем дело с философским творчеством, выросавшим в лоне религиозного сознания» [20. С. 401].

Страдание в мире русского писателя тоже сложно встроено в религиозную мистирию. Неслучайно Ю.И. Айхенвальд так оценивает его место в литературе: «И гнетущей загадкой встает он перед нами, как олицетворенная боль, как черное солнце страдания» [21. С. 254].

Боль, унижение, ужас могут породить сомнение в высшем смысле человеческой жизни – такое сомнение у Достоевского выражает, например, Иван Карамазов. Но в некоем духовном итоге русский писатель верит, что и мир, в котором есть зло, может иметь в своей основе высший Божий замысел. И помогает ему верить в это в том числе народная религиозность, в которой страданию отведено очень важное место. В «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский ведущей чертой русского народа называет жажду страдания: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутомимого, везде и во всем» [10. Т. 21. С. 36].

В творчестве Юй Хуа нет религиозного компонента, но для него тоже становится спасительной народная концепция страдания. И у Достоевского, и у Юй Хуа вопрос о том, является ли наша жизнь беспросветной или в ней есть место надежде, напрямую связан с тем, взаимодействуем ли мы с миром как современное одинокое сознание или нам придает силу общенародное разделение страдания.

Проведенный анализ позволяет выявить некоторые сходства в творчестве Юй Хуа и Достоевского. Китайский писатель признавал влияние Достоевского, при этом наследие русского писателя усваивается с учетом внутренних закономерностей литературного процесса в Китае второй половины XX в.

В творчестве Юй Хуа можно увидеть существенную эволюцию: в более ранних произведениях, связанных с экспериментальными исканиями китайской литературы, группирующимися вокруг журнала

«Урожай», китайский писатель пристальное внимание уделяет жестокости, насилию, темной стороне человеческой природы. В более поздних произведениях, например, в романе «Братья», Юй Хуа показывает в мире человеческого страдания возможность надежды, трогательной любви, взаимопомощи, братства. Светлая сторона не стала торжествующей, ее проявления все также являются исключением в драматической картине нашего мира, но теперь писатель считает, что именно этой стороне реальности должно служить его художественное творчество. И на всех этапах этой творческой эволюции китайскому писателю помогают уроки Достоевского.

Список источников

1. Гао Юй, Чэнь Сихэ и Ван Шэньюань. Юй Хуа в глобальной перспективе. Шанхай : Изд-во Шанхайского университета Цзяо Тун, 2019. 599 с.
2. Цвейг С. Когда сияют человеческие звезды. М. : Гуйлинь, Издательство педагогического университета Гуанси, 2004. 324 с. (转引自[奥斯特芬·茨威格著, 舒昌善译.人类的群星闪耀时[M].桂林广西师范大学出版社, 2004: 324.)
3. Юй Хуа. Мир романов // Тянья. 2002. № 1. 207 с. (余华.小说的世界[J].天涯, 2002 (1): 207).
4. Юй Хуа, Ян Шаобинь. Пока я пишу, я просто иду домой // Обзор современных писателей. 1999. № 1. 258 с. (余华, 杨绍斌.我只要写作, 就是回家[J].当代作家评论, 1999 (1): 258.)
5. Тэ Нин, Ван Яо. Литература должна обладать способностью защитить психологическое здоровье и истинное благородство // Обзор современных писателей. 2003. № 6. С. 10–21. (铁凝 王尧. 文学应当有捍卫人类精神健康和内心真正高贵的能力// 当代作家评论, 2003 (6). 10–21 页).
6. Гэ Сяохуа. Тэ Нин и русская литература : дис. ... магистра филологии. 2011. 32 с. (葛晓华. 铁凝与俄国文学 硕士论文, 2011. 32 页)
7. Тянь Цюаньцзинь. На грани слов и мысли: сравнительное исследование по Достоевскому. Шанхай : Издательство Фуданьского университета, 2010. 314 с. (田全金 言与思的越界——陀思妥耶夫斯基比较研究 复旦大学出版社, 2010. 314 页).
8. Цзюй Пин. Чжан Вэй и Достоевский: женский голос в образах Суй Ханьчжан и Сони // Мудань. 2017. № 20. С. 9–12. (鞠萍 从隋含章索尼亚看张伟和陀思妥耶夫斯基的女性声音表达// 牡丹, 2017. 第20期, 9–12 页)

9. Юй Хуа, Чэнь Рен. Интервью с Юй Хуа // Мудань. 1996. № 4. С. 26–89. (余华, 陈韧. 余华访谈录[J]. 牡丹, 1996 (6): 26–89.)
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
11. У Сяо. Исследование повествования о культурной революции в современных китайских пионерских романах. Баодин : Хэбэйский университет, 2013. 44 с. (吴潇. 当代中国先锋小说文革叙事研究[D]. 河北大学, 2013.)
12. Юй Хуа. Мой литературный путь // Обзор современных писателей. 2002. № 4. С. 35–101. (余华. 我的文学道路[J]. 当代作家评论, 2002 (04) : 35–101.)
13. Соркина Д.Л. «Фантастический реализм» Достоевского (Статья первая) // Проблемы идейности и мастерства художественной литературы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 112–124.
14. Джоунс М.В. Достоевский после Бахтина. Исследование фантастического реализма Достоевского. СПб. : Академический проект, 1998. 256 с.
15. Захаров В.Н. Фантастическое // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. Челябинск : Металл, 1997. С. 52–56.
16. Степанян К.А. Что такое «реализм» и был ли Достоевский реалистом? // Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб. : Круга, 2010. С. 3–27.
17. Казаков А.А. Реализм и его «Двойник» // Казаков А.А. Ценностная архитектура произведений Ф.М. Достоевского. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 67–82.
18. Юй Хуа, Пан Кайсюн. Литературный диалог в первый день нового года // Писатель. 1996. № 1. С. 4–10. (余华、潘凯雄《新年第一天的文学对话》, 载《作家》1996年, 4–10页)
19. Ся Чжунъи, Фу Хуа. Тепло в страдании и нежное страдание // Южный литературный круг. 2001. № 4. С. 28–39. (夏中义、富华. 苦难中的温情与温情地受难[J]. 南方文坛, 2001 (04): 28–39.)
20. Зеньковский В.В. История русской философии. М. : Академический проект, Раритет, 2001. 875 с.
21. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М. : Республика, 1994. 602 с.

References

1. Gao Yu, Chen Xihe, & Wang Shenyuan. (2019) *Yuy Khua v global'noy perspective* [Yu Hua in Global Perspective]. Shanghai: Shanghai Jiao Tong University Press.
2. Zweig, S. (2004) *Kogda siyayut chelovecheskie zvezdy* [When Human Stars Shine]. Moscow: Guilin, Guangxi Normal University Press.
3. Yu Hua. (2002) *Mir romanov* [The world of novels]. Tyan'ya. 1.

4. Yu Hua & Yang Shaobin. (1999) *Poka ya pishu, ya prosto idu domoy* [While I Write, I Just Go Home]. *Obzor sovremennykh pisateley*. 1.
5. Te Ning & Wang Yao. (2003) *Literatura dolzhna obladat' sposobnost'yu zashchitit' psikhologicheskoe zdorov'e i istinnoe blagorodstvo* [Literature Should Have the Ability to Protect Psychological Health and True Nobility]. *Obzor sovremennykh pisateley*. 6. pp. 10–21.
6. Ge Xiaohua. (2011) *Te Nin i russkaya literatura* [Te Ning and Russian literature]. Master of Philology Diss.
7. Tian Quanjin. (2010) *Na grani slov i mysli: sravnitel'noe issledovanie po Dostoevskomu* [On the Verge of Words and Thought: A Comparative Study on Dostoevsky]. Shanghai: Fudan University Press.
8. Ju Ping. (2017) *Chzhan Vey i Dostoevskiy: zhenskiy golos v obrazakh Suy Khan'chzhan i Soni* [Zhang Wei and Dostoevsky: The Female Voice in the Images of Sui Hanzhang and Sonya]. *Mudan*. 20. pp. 9–12.
9. Yu Hua & Chen Ren. (1996) *Interv'y u Yuy Khua* [Interview with Yu Hua]. *Mudan*. 4. pp. 26–89.
10. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: In 30 vols]. Leningrad: Nauka.
11. Wu Xiao. (2013) *Issledovanie povestvovaniya o kul'turnoy revolyutsii v sovremennykh kitayskikh pionerskikh romanakh* [A Study of the Narrative of the Cultural Revolution in Contemporary Chinese Pioneer Novels]. Baodin: Hebei University.
12. Yu Hua. (2002) *Moy literaturnyy put'* [My literary path]. *Obzor sovremennykh pisateley*. 4. pp. 35–101.
13. Sorkina, D.L. (1969) “Fantasticheskiy realism” Dostoevskogo (Stat'ya pervaya) [Dostoevsky's “fantastic realism” (Article One)]. In: Sorkina, D.L. (ed.) *Problemy ideynosti i masterstva khudozhestvennoy literatury* [Problems of Ideological Character and Mastery of Fiction]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 112–124.
14. Jones, M.V. (1998) *Dostoevskiy posle Bakhtina. Issledovanie fantasticheskogo realizma Dostoevskogo* [Dostoevsky after Bakhtin. A Study of Dostoevsky's Fantastic Realism]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
15. Zakharov, V.N. (1997) *Fantasticheskoe* [The Fantastic]. In: Shchennikov, G.K. (ed.) *Dostoevskiy: Estetika i poetika: Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: A Dictionary and Handbook]. Chelyabinsk: Metall. pp. 52–56.
16. Stepanyan, K.A. (2010) *Yavlenie i dialog v romanakh F.M. Dostoevskogo* [Phenomenon and Dialogue in the Novels by Fyodor M. Dostoevsky]. St. Petersburg: Kri-ga. pp. 3–27.
17. Kazakov, A.A. (2012) *Tsennostnaya arkhitektonika proizvedeniy F.M. Dostoevskogo* [The value architecture of Fyodor M. Dostoevsky's works]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 67–82.
18. Yu Hua & Pan Kaixiong. (1996) *Literaturnyy dialog v pervyy den' novogo goda* [Literary dialogue on the first day of the new year]. *Pisatel'*. 1. pp. 4–10.
19. Xia Zhongyi & Fu Hua. (2001) *Teplo v stradanii i nezhnnoe stradanie* [Warmth in suffering and tender suffering]. *Yuzhnyy literaturnyy krug*. 4. pp. 28–39.

20. Zenkovskiy, V.V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskiy proekt, Raritet.

21. Aykhenvald, Yu.I. (1994) *Siluety russkikh pisateley* [Silhouettes of Russian Writers]. Moscow: Respublika.

Информация об авторе:

Тан Юйли – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 1029287851@qq.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tan Yuyli, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 1029287851@qq.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 20.10.2024.

The article was accepted for publication 20.10.2024.